

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

НОВГОРОДИКА-2010

Вечевой Новгород

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

Часть 1

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2011

ББК 63.3(2Рос-4Но)
Н72

Р е д к о л л е г и я:
В. Р. Вебер, Ю. А. Прокофьев,
С. В. Трояновский, С. А. Коварская, Г. М. Коваленко,
О. В. Демидов, Д. Б. Терешкина

Новгородика-2010. Вечевой Новгород: материалы Меж-
Н72 дунар. науч.-практ. конф. 20–22 сентября 2010 г. Ч. 1 /
сост. Д. Б. Терешкина. – Великий Новгород, 2011. – 306 с.

Публикуются материалы третьей Международной научно-практической конференции, проходившей в Новгороде 20–22 сентября 2010 года. Статьи и тексты докладов распределены по разделам, соответствующим работавшим на конференции секциям, и посвящены изучению спорных вопросов новгородской истории, источниковедческих проблем, рассмотрению современных процессов общественной жизни Новгорода.

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Комитета культуры, туризма и архивного дела Новгородской области.

ББК 63.3(2Рос-4Но)

© Новгородский государственный
университет, 2011

© Д. Б. Терешкина, составление, 2011

© Авторы статей, 2011

Содержание

От оргкомитета конференции «Новгородика-2010» 3

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Анисимов Е. В. Погружение в провинциальность:

Великий Новгород при Петре Великом 9

Аракчеев В. А. Новгородская судная грамота и памятники права
русских земель второй половины XV века 16

Артамонова Л. М. Школьная реформа конца XVIII века
и ее реализация в Новгородской губернии 25

Базарова Т. А. Новгородский пожар 1709 года:
По материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова 34

Вовина-Лебедева В. Г. К истории исследования новгородского
летописания: летописи и Русская Правда 40

Воронин В. А. Служилый князь Великого Новгорода
Юрий Лугвеньевич и борьба за власть в Великом княжестве
Литовском в 30–40-х годах XV века 50

Долгов В. В. К вопросу о принципах изучения критериев
социальной стратификации в древнерусском обществе
на примере новгородских материалов 59

Домбровски Д. Последние годы правления Мстиславичей
в Великом Новгороде (1216–1221) 64

Жих М. И. К вопросу о «законных» и «незаконных» вечевых
собраниях в средневековом Новгороде. Первый этап
(от начала политической истории Новгорода до конца XI века) 73

Жуков А. Е. К вопросу об использовании Новгородской
Первой летописи и летописи новгородско-софийской группы
в Еллинском летописце второго вида 91

Жуков Г. К. Взаимодействие прокуратуры и жандармерии
по борьбе с государственными преступлениями
во второй половине XIX – начале XX века 100

Зверев С. В. К истории работы и топографии
денежных дворов в Новгороде в XVI–XVII веках 103

Коварская С. А. Тенденции и проблемы развития
художественной культуры Новгородской земли
в послевоенный период (1944–1953 гг.) 145

Колотушкин В. Г. Партизаны и Красная Армия: проблемы
и опыт взаимодействия в Ленинградской области (1941–1944 гг.) .. 155

<i>Конча С. В.</i> Вопрос о достоверности Иоакимовской летописи и археология	162
<i>Корешкова Т. А.</i> Неземледельческие занятия крестьян и земство Новгородской губернии: обзор земских источников за 1865–1914 годы	174
<i>Курносков В. В.</i> Инновационное развитие Новгородской области в 60–70-е годы XX века	184
<i>Морозова Л. Е.</i> Значение Новгорода в возвышении Московского княжества в начале XIV века	193
<i>Несин М. А.</i> Новгород 1470-х годов: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» ...	203
<i>Пашин С. С., Александрова В. А.</i> Герменевтический анализ летописных известий о битве на реке Шелонь	217
<i>Петров Ал. В.</i> Язычество и общественные отношения в вечевом Новгороде	221
<i>Прокофьев Ю. А.</i> Новгородское земство и власть в 60–80-е годы XIX века	232
<i>Рабинович Я. Н.</i> Борьба за Ладогу и Орешек в 1610–1611 годах	237
<i>Рыбалко Н. В.</i> Дьяки и подьячие Новгородской приказной избы в Смутное время начала XVII века	252
<i>Сазанова А. В.</i> Участие новгородского купечества в становлении республиканских институтов	268
<i>Смирнов Ю. Н.</i> Выходцы из Новгородского и других северо-западных уездов России среди первопоселенцев Самарского Заволжья и казаков нового Оренбургского войска в 1730–1740-е годы	280
<i>Фомина Т. Ю.</i> Проблемы взаимоотношения приходских священников и паствы в Великом Новгороде X–XII веков	289
<i>Хохлов И.</i> Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года в Новгородской губернии	299

XIII et XIV / Anastasius van den Wyngaert (сocr.). Quaracchi; Firenze, 1929. С. 128: «In reversione in terram Biseminorum, in civitate Lemfine, invenimus Coligneum qui de mandato uxoris Jerozlay et Bati ibat ad predictum Ierozlaum»). Эта проблема нуждается в отдельном исследовании. Здесь мне бы хотелось лишь отметить, что перед лицом татаро-монгольской опасности и повелений ханов все правовые нормы, действующие для русских князей, могли подвергаться и иногда подвергались временной отмене. Обратим, например, внимание на также отмеченный итальянским монахом и путешественником факт принуждения Батыем к несоответствующему правовым нормам браку со вдовой убитого монголо-татарами Андрея Мстиславича (Черниговского) его младшего брата (*J. de Plano Carpini. Ystoria Mongalorum...* С. 39). На наш взгляд, хотя это не более чем предположение, овдовевший в 1244 г. Ярослав мог быть «принужден» Батыем к браку. Это объясняло бы, например, почему Карпини упоминал о том, как встретил по пути Колигния, ехавшего к Ярославу с посольством от его жены и Батгя. Возможно, отнесение Ярослава к сторонникам Батгя (что подкреплялось брачным союзом) стало причиной гибели русского князя при дворе Гуюк-хана, остающегося во вражде с Батыем (*Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды...* Саранск, 1960. С. 24–25).

³² Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М., 2006. С. 21, 41–42.

М. И. Жих
(Санкт-Петербург)

К вопросу о «законных» и «незаконных» вечевых собраниях в средневековом Новгороде. Первый этап (от начала политической истории Новгорода до конца XI века)

Характер древнерусского веча, его социальный состав, функции, круг вопросов, находившихся в его компетенции, порядок его проведения и многие другие вопросы, с ним связанные, являются собой одну из важнейших тем истории русского средневековья, остающуюся, несмотря на громадную историографию, остро дискуссионной и по сей день. В названном блоке вопросов важное место, на наш взгляд, занимает проблема, которой в советской и современной «вечевой» историографии не уделено должного внимания¹. Речь идет о теме «законности» и «незаконности» коллективных социально-политических акций жителей древнерусских городов как с точки зрения существовавшей в тот период системы права, так и с позиции современников.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно обо всей совокупности коллективных социально-политических действий древнерусских горожан², безотносительно к тому, названа та или иная из них в источниках напрямую «вечем» или нет. Данный подход обусловлен тем, что, на наш взгляд, исследовать необходимо не столько термины, которые в летописи употребляются весьма нерегулярно и, в общем, случайным образом, а в первую очередь стоящую за ними социально-политическую реальность. Если в одних случаях некое событие (например, изгнание или призвание князя, назначение посадника, решение каких-то важных вопросов жизни древнерусской городской общины и т.д.) названо в источниках «вечем», а в других аналогичное событие «вечем» не названо, то нет оснований делать выводы о том, что стоящие за этими событиями политические акции древнерусских горожан имели различную социально-политическую природу. Скорее это является отражением того обстоятельства, что летописец писал свое повествование не для историков Нового времени, а для своих современников, коим институциональные основы политической жизни своего времени были совершенно понятны и не было необходимости каждый раз делать для них четкие терминологические указания – они и так прекрасно понимали, каким образом и в связи с чем может произойти, скажем, изгнание или призвание князя. Современные же историки нередко делают из названного обстоятельства вывод о том, что вече – явление достаточно редкое, нерегулярное и в каком-то смысле хаотическое, не являвшее собой четкого социально-политического института средневековой Руси. Так, например, по мнению Ю. Гранберга, рассмотревшего *только прямые* упоминания слово «вече» в древнерусских источниках «...слово “вече” обозначает просто собрание жителей города... под (словом “вече”. – М. Ж.) не скрывается политический институт с четко очерченными полномочиями»³, «...слово “вече” в древнерусских письменных источниках обозначает собрания большого числа горожан, происходившие по самым разным поводам – от формальных церемоний до вооруженных мятежей. Часто слово “вече” ассоциируется с городской общиной как таковой или, по крайней мере, с какой-то ее значительной частью. У веча не было четко очерченных полномочий, скорее, влияние и сила веча заключались просто в возможностях большой толпы, в ее непредсказуемости и стихийности. Совершенно очевидно, что вече можно рассматривать как важную форму политической жизни и как серьезную политическую силу, однако *его нельзя рассматривать как политический институт* (курсив мой. – М. Ж.)»⁴.

К такому выводу исследователя привел именно *сознательный* отказ от рассмотрения всей совокупности данных о коллективных социально-политических акциях древнерусских горожан и сознательное ограничение только теми известиями о них, в которых эти акции прямо названы вечем. Мы считаем данный подход в корне ошибочным, так как *совершенно одинаковые* явления древнерусской политической жизни могут как называться, так и не называться в источниках «вечем» и нет каких-либо оснований разграничивать их и говорить о том, что в зависимости от наличия/отсутствия в описывающем их источнике термина «вече» данные явления имели разную институциональную основу. Достаточно сказать о том, что при описании *одного и того же события* в одних летописях слово «вече» может употребляться, в то время как в других мы его не находим⁵.

В свете вышесказанного мы намерены провести *сквозной анализ* всех сведений о социально-политической активности и коллективных политических действиях жителей одного из древнерусских городов – Новгорода⁶ периода его борьбы за независимость от Киева и последующего независимого существования вплоть до московского завоевания *с точки зрения их институциональных основ*. В этой связи нас особенно будут интересовать следующие вопросы:

1) Какие из коллективных социально-политических акций средневековых новгородцев воспринимались современниками «законными», а какие «незаконными» с точки зрения правовых основ древнерусской социально-политической системы.

2) Где проходила грань между их «законными» и «незаконными» действиями и в чем состояли ее правовые и формальные основы.

3) С какого времени названная грань стала проводиться в источниках и как постепенно она становилась все более и более четкой.

4) Происходило ли какое-то правовое ограничение «незаконных» действий средневековых новгородцев и в чем оно выражалось.

Думается, что от ответов на эти вопросы зависит и ответ на фундаментальный для понимания общественного быта средневекового Новгорода вопрос – имели ли коллективные действия средневековых новгородцев четкие правовые основы или же они носили хаотический, нерегулярный и произвольный характер и имели место лишь в каких-то отдельных случаях. Этот вопрос можно сформулировать и несколько иначе: было ли новгородское (и шире – древнерусское) вече (данное слово и было обозначением подобных коллективных действий) политическим институтом; осуществлявшим

постоянное народовластие, или же оно не имело данного статуса, будучи неким аморфным явлением, как то полагают вышеуказанные новейшие историки. Ведь если одно и то же явление может быть с точки зрения современников «законным» либо же «незаконным» (в зависимости от соблюдения неких установленных норм и процедур), то мы имеем полное право считать его именно институционально оформленным политическим институтом.

Предварить последовательное изложение свидетельств источников мы бы хотели двумя важными пояснениями:

1) Говоря о «законности» или «незаконности» тех или иных коллективных действий средневековых новгородцев, мы не имеем в своем распоряжении источников, в которых правовые основы и порядок подобных действий были бы сколько-нибудь четко прописаны (это же относится и к действиям князей и должностных лиц Древней Руси). Поэтому соответствующие выводы мы можем делать лишь путем кропотливого анализа множества соответствующих рассказов в летописях и сопоставления их с другими источниками (вечевыми актами, средневековыми литературными повестями, иностранными источниками: договорными грамотами с Новгородом, записками иностранцев и т.д.), которые появляются в нашем распоряжении отнюдь не с самого раннего этапа новгородской истории. Только кропотливый анализ описания разных событий социально-политической жизни средневекового Новгорода в источниках позволит нам сделать выводы о том, какие (и в каких случаях) коллективные действия средневековых новгородцев воспринимались как «законные», то есть основанные на существовавших в данный момент юридических принципах (хотя последние могли быть и не записаны, а носить характер обычая), а какие как «незаконные», то есть противоречащие данным принципам. При этом важно подчеркнуть, что одно и то же действие новгородцев (или какой-то их части) в зависимости от соблюдения или несоблюдения неких положенных норм могло считаться как «законным» (в случае их соблюдения), так и «незаконным» (в случае их несоблюдения).

2) Говоря о «коллективной социально-политической деятельности средневековых новгородцев» мы имеем в виду действия как всей городской общины (или какой-то ее части, скажем, стороны или конца), выступающей как целое (без различия в социальном и правовом положении разных членов общины), так и те действия, которые были связаны с борьбой разных социальных групп внутри

нее, поскольку последние в подавляющем большинстве случаев совершались с использованием традиционных институтов управления городской общиной. Именно в случае внутриобщинной борьбы как по «территориальной» линии (борьба разных сторон и концов средневекового Новгорода), так и по линии «социальной» (борьба разных социальных групп в рамках новгородской общины), наиболее рельефно в источниках выступают представления их авторов о том *правовом порядке*, в рамках которого должно было вершиться народовластие в Новгороде и возможных вариантах его нарушения одной из конфликтующих сторон⁷.

Последовательное рассмотрение известий о коллективных политических действиях новгородцев X–XV веков с точки зрения их «законности» / «незаконности» позволит пролить свет и на то, в каких из них какие социальные страты новгородского общества принимали участие и, соответственно, дать ответ на вопрос о том, каков был социальный состав участников новгородского веча и – шире – какова была роль «неэлитных» слоев древнерусского общества в политической жизни русского средневекового города.

В рамках данной статьи мы представляем первую часть нашего исследования, охватывающую период от первых упоминаний о коллективных социально-политических акциях новгородцев до конца XI века, когда новгородцы прочно осваивают практику изгнания и призвания в свой город князей.

Самым ранним свидетельством, имеющим отношение к нашей теме, является знаменитая легенда о «призвании варягов», читающаяся в «Повести временных лет» под 6370/862 годом:

[славянские и соседние с ними «племена», до того платившие дань варягам: словене, кривичи, чудь и меря] Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идаша за море къ Варягомъ, к Руси⁸.

Здесь мы не будем вдаваться в споры о достоверности этого рассказа. Для нас важно то, что для летописцев XI–XII веков, зафиксировавших эту легенду, «призвание» князя словенами – предками новгородцев и их союзниками выглядит как совершенно нормальное и «законное» явление. Причем принятие решения об этом «призвании» летописцы представляют именно в качестве «коллективной воли» словен, кривичей, мери и чуди. Стоит ли за этим

память о древних «племенных» народных собраниях, или же летописцы автоматически перенесли в древность реалии своего времени в данном контексте непринципиально. Важно то, что в представлении древнерусских книжников с самой глубокой древности важные решения предков новгородцев имели «коллегиальный» характер и, видимо, соответствующий характер имела и их политическая организация («почаша сами в собѣ володѣти»).

Первое упоминание Новгорода в письменных источниках, которое относится к середине X века и содержится в трактате византийского императора Константина Багрянородного (945–959) «Об управлении империей» (948–952), также представляет определенный интерес для нашей темы:

Немогарда, в котором сидел Сфендослав (Святослав. – М. Ж.), сын Ингора (Игоря. – М. Ж.), архонта (правителя. – М. Ж.) Росии⁹.

Указание на то, что в этом городе¹⁰ практически с момента его основания¹¹ правил сын и наследник киевского князя, указывает на его большую значимость, что не могло не привести к его быстрому развитию и быстрому структурированию новгородской городской общины, которое явственно обозначилось уже в ближайшее время: в 6478/970 году в Киев к Святославу

придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете к нам, то налезѣм собѣ»¹².

Иначе говоря, найдем себе князя, по всей видимости, вне рода Игоревичей¹³. Здесь перед нами впервые в источниках предстают «людье Ноугородьстии»: на рубеже X–XI веков древнерусское общество переживает грандиозные социальные изменения: на смену этнополитическим союзам в восточнославянском мире приходят города-государства¹⁴, что нашло свое отражение на страницах летописей, с которых постепенно исчезают *поляне, кривичи, словене* и т.д. и вместо них появляются *княне, смоляне, новгородцы* и т.д.¹⁵.

Даже если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования¹⁶, то в целом он все равно верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, процесс структурирования которой к тому времени зашел уже достаточно далеко. Новгородцы стремились обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе¹⁷. Основанный как опорный пункт киевской власти на севере Руси по мере своего роста и структурирования собственной волости Новгород превратился со временем в главный центр сепара-

тизма в регионе¹⁸. И опять-таки мы видим «коллегиальный» характер воли новгородцев: ничего о том, что посланцы – это выразители интересов верхушки новгородского общества в источнике не сказано. Видимо, они выражали волю всей формирующейся новгородской общины. И опять-таки летописец представляет соответствующее обращение киевлян к Святославу как абсолютно правомерное и «законное».

Старшие сыновья Святослава уклонились («отпреся») от поездки в далекий северный город, получив, соответственно, Киев и Древлянскую землю, и туда поехал младший сын Святослава – «робичич» – Владимир. В дальнейшем именно опираясь на новгородскую общину Владимир выиграет борьбу за власть у своего брата Ярополка и захватит Киев, а также завоюет Полоцк¹⁹, однако, став киевским князем, он «в силу обстоятельств должен был вести политику, отвечающую интересам полянской общины и, следовательно, ущемляющую подчиненные»²⁰ земли, в частности, разумеется, и Новгородскую. В городе был посажен в качестве правителя-посадника Добрыня – дядя («уй») Владимира²¹, который некогда и посоветовал племяннику отправиться на княжение в Волховскую столицу.

Зависимость Новгорода от Киева при Владимире усилилась²², что выразилось сначала в распространении на город предпринятой в Киеве «языческой реформы»²³, которая, по всей видимости, рассматривалась Киевской общиной в качестве действенного средства унификации религиозной жизни Руси и, как следствие, укрепления ее политического единства под властью Киева²⁴, а затем и в насильственном крещении города «огнем и мечем». Введение христианства, по замыслам киевского правительства, должно было гораздо более чем любая реформа язычества унифицировать религиозную жизнь Древней Руси и тем самым ослабить сепаратистские тенденции в формирующихся городах-государствах, проявившиеся к этому времени уже сполна²⁵. Однако именно эта попытка установления Киевом своего идеологического и религиозного контроля над Новгородом с неизбежностью должна была породить сопротивление новгородской общины, подробный рассказ о котором сохранился в так называемой «Иоакимовской летописи», бывшей в распоряжении В. Н. Татищева²⁶. Сам данный рассказ в дошедшем до В. Н. Татищева виде, вероятно, прошел через несколько редакций и обработок²⁷, но как сейчас вполне ясно отражает древнюю достоверную основу: археологические раскопки полностью подтвердили основную канву данного известия о насильственном крещении Новгорода²⁸. Здесь мы

снова видим коллективные действия новгородской общины, направленные на защиту ее интересов. При этом судить об их «законности» или «незаконности» затруднительно, так как они были предприняты в чрезвычайной ситуации и носили чрезвычайный характер. Видимо, с точки зрения новгородской общины они были вполне справедливы.

Впоследствии Владимир сажает своих сыновей по всем основным городам Руси. Так в Новгороде князем²⁹ оказывается сначала Вышеслав, а после его смерти Ярослав³⁰, при котором недовольство новгородской общины своей зависимостью от Киева впервые отчетливо выплеснулось наружу в 6522/1014 году.

Ярославу же сущю Новѣгородѣ и оурокомъ дающю Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. А тако даяху [вси] посадници Новѣгородьстии, а Ярославъ сего не даеше [к Киеву] отцю своему. И рече Володимерь: «Требите путь и мстите мость», — хотя-шесть бо на Ярослава ити, на сына своего³¹.

Очевидно, что за этим поступком Ярослава стояла воля всего новгородского общества: не имея поддержки в Новгороде, Ярослав едва ли мог бы решиться на войну с отцом. При этом важно подчеркнуть, что речь шла именно об отказе Новгорода платить дань, а стало быть, подчиняться Киеву, а не о желании Ярослава перебраться на более «престижный» стол или захватить Киев. И ради достижения независимости от Киева новгородцы были готовы на борьбу, равно как и на значительные затраты — в город был приглашен нанятый варяжский отряд³². Очевидно, что столь серьезные решения не могли быть приняты лишь верхушкой новгородского общества, а предполагали согласие всей общины.

Однако Владимир вскоре умер, и в Киеве власть захватил Святополк, расправившийся со своими братьями Борисом и Глебом. В Новгороде между тем произошли очень интересные события, в описании которых применительно к Новгороду в источниках впервые фигурирует слово «вече», а именно конфликт новгородцев с нанятыми Ярославом для борьбы с Киевом варягами, последующая «разборка» с ними Ярослава, а затем — примирение Ярослава с новгородцами³³:

В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиле дѣяти на мужатыхъ женахъ. Ркоша новгородци: «Сего мы насиле не можемъ смотрити»; и собравшася в ноцъ, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту ноцъ сущу на Ракомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысяшу³⁴, и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ; а друзии бѣжаша изъ града³⁵.

Вскоре, однако, Ярославу от сестры Предславы пришли известия о смерти отца и расправе Святополка над братьями, после чего он

заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ³⁶, и рече к ним: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ». И тако рче имъ: «Братье, отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хощо на него пойти; потягнете по мнѣ». И рѣша ему новгородци: «А мы, княже, по тобѣ идемъ». И собра вои 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь³⁷.

Рассказ этот весьма сложен и содержит ряд смысловых пластов, анализ которых сейчас не входит в наши задачи³⁸. Для нас важно то, что в данном летописном повествовании впервые угадывается разделение коллективных социально-политических акций новгородцев на «законные» и «незаконные»: нападение на ярославовых варягов, вероятно, имело характер спонтанного «бунта» и не имело вечевой санкции³⁹, стало быть, не воспринималось как вполне «законное» деяние. Именно это обстоятельство, вероятно, отчасти способствовало тому, что новгородцы легко простили Ярослава за суровое наказание «бунтовщиков». Не менее любопытно и их стремление любой ценой покончить с зависимостью от Киева, для чего было необходимо преодолеть все внутренние разногласия. При этом серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживает гипотеза А. В. Петрова, согласно которой в расправе над варягами приняла участие не вся новгородская община, а лишь ее часть — старая «родовая аристократия», не заинтересованная в полном разрыве с Киевом и тем противостоящая интересам формирующегося новгородского народовластия⁴⁰, а потому и не могущая заручиться поддержкой веча, ведь в пассаже о «мести Ярослава» сказано лишь о его расправе над «воев славныхъ тысячей» / «нарочитыми мужами», которые, видимо, и составляли ядро «бунтовщиков».

На следующий же день князь апеллировал ко всей новгородской общине, что ясно из того, что новгородцы выставили в его поддержку трехтысячное войско (дружина заведомо не могла иметь такую численность)⁴¹ и наняли новый варяжский отряд. Созыв веча князем — это, как мы знаем по ряду позднейших известий, его неотъемлемое право, а созванное князем вече рассматривалось как абсолютно «законное». Такой же статус имели и его решения. В нашем случае вече — после вероятной расправы Ярослава над «прокиевской» знатью — приняло решение о начале войны с Киевом. По мнению А. В. Петрова, с этими событиями есть основания связывать начало

истории «вечевого Новгорода как *территориально-общинного образования* (курсив А. В. Петрова. – М. Ж.)»⁴², то есть фактически рождение новгородской вечевой государственности⁴³.

Со своим новгородско-варяжским войском Ярослав победил Святополка и занял Киев, однако тот бежал в Польшу и призвал на помощь войска польского князя – своего тестя – Болеслава Храброго (992–1025), который пошел войной на Ярослава, разгромил его и вновь посадил в Киеве Святополка. После этого Ярослав бежал в Новгород, откуда

хотяше бѣжати за море. И посадникъ Коснятинъ сынъ Добрынь с Новгородци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скоть събирати от мужа по 4 кунчи, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен. И приведоша Варягы [и] вдаша имъ скоть, и совокуи Ярославъ вои многы⁴⁴.

Здесь мы опять видим коллективное решение всего новгородского общества, полного решимости любой ценой бороться с Киевом. Очевидно, что без общего (очевидно, вечевого) решения большинства новгородцев предпринять описанные летописью меры было невозможно, тем более что летописец указывает именно на их добровольный характер. Данный летописный рассказ указывает на уже весьма серьезную зрелость общинной организации Новгорода. И для нашей темы важно то, что [вечевое] решение о сборе средств для продолжения войны с Киевом имело абсолютно «законный» с точки зрения летописца (и, очевидно, самих новгородцев) характер.

В результате в правление на Руси Ярослава Мудрого роль Новгорода существенно усилилась, а его зависимость от Киева существенно ослабла (достаточно сказать, что и впоследствии Ярослав немало времени проводил в этом городе⁴⁵, он был как бы второй столицей страны и опорой Ярослава).

Следующее известие, которое нам необходимо рассмотреть, относится в «Повести временных лет» к 6572 / 1064 году:

Бѣжа Ростислава къ Тмутороканю, сынъ Володимиръ, внукъ Ярославль, и с нимъ бѣжа Порѣи и Вышата, сынъ Остромиръ воеводы Новгородьского⁴⁶.

Это известие является весьма загадочным: дело в том, что мы не знаем, где на момент своего бегства княжил Ростислав и откуда, соответственно, он бежал в Тмутаракань. Указание на то, что он «бежал в кампании с Вышатой, сыном новгородского посадника Остромира, как будто намекает на бегство из Новгорода»⁴⁷. Прямо на это указывают некоторые поздние летописи⁴⁸. В. Н. Татищев

сообщает в своей «Истории Российской», что после смерти в 1052 году старшего сына Ярослава Мудрого Владимира в Новгороде стал княжить его сын Ростислав⁴⁹.

Детально обосновать версию о бегстве Ростислава из Новгорода, существовавшую в науке со времен Н. М. Карамзина, попытался И. М. Троицкий. По мнению ученого, «после Владимира Ярославича: с 1052 по 1054 г. в Новгороде (княжит. – М. Ж.) – Изяслав; в 1054 г. он уходит в Киев, оставляя в Новгороде Остромира. Остромир... умер, вероятно, в 1060 г. Этим объясняется появление в 1061 г. в Новгороде Ростислава: его воеводой и, вероятно, ментором, был Вышата, сын Остромира, который при жизни отца едва ли бы захотел отнять у последнего Новгород. С 1061 г. по 1064 г. в Новгороде сидит Ростислав Владимирович»⁵⁰.

Несколько иначе подошел к решению этого вопроса И. Я. Фроянов, который отметил, что гипотеза И. М. Троицкого противоречива: с одной стороны, тот находит заслуживающим доверия указанное выше известие В. Н. Татищева, с другой – его конкретные построения не соответствуют ему⁵¹, ведь по Татищеву Ростислав начал княжить в Новгороде сразу после смерти отца, в то время как согласно схеме И. М. Троицкого это происходит лишь в 1061 году. В этой связи И. Я. Фроянов высказал предположение, согласно которому «в летописном рассказе слились воедино, под одним годом, происшествия, случившиеся в разное время: бегство Ростислава из Новгорода и борьба его за Тмутаракань»⁵², причем первое событие произошло «где-то между 1052 и 1054 гг.»⁵³.

Как бы ни решался вопрос о времени бегства Ростислава, сам факт того, что бежал он именно из Новгорода, нам видится вполне доказанным. При этом нельзя не согласиться с мнением И. М. Троицкого о его насильственном характере и о том, что перед нами первое свидетельство «о непосредственной воле новгородцев в деле выбора князя»⁵⁴.

Итак, судя по всему, мы имеем дело с первым зафиксированным источниками случаем изгнания новгородцами неугодного им князя. При этом обращает на себя внимание заурядность соответствующего летописного известия, позволяющая утверждать, что событие это по нормам того времени явилось совершенно «законным». Дальнейшие события полностью подтверждают это.

«Повесть временных лет» сообщает интересные данные еще об одном новгородском князе близкого времени – Мстиславе Изяславиче:

по преставлении Володимировѣ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мъстислава; и побѣдиша на Черехи; бѣжа къ Киеву, и по взятъи города преста рать⁵⁵.

Комментируя это летописное известие, И. Я. Фроянов высказал предположение, согласно которому бегство князя было вызвано не просто его поражением в битве: «Побежденный князь бежал с поля боя. Это – простейшее, лежащее на поверхности объяснение. Но резонно и другое: Мстислав вынужден был удалиться, опасаясь гнева новгородцев, вызванного его поражением в битве. В этом случае бегство князя было равносильно изгнанию»⁵⁶. На наш взгляд, это вполне обоснованное заключение.

Важные события происходят в Новгороде в 6579 / 1071 году⁵⁷:

Сиде бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, [и] многы прельсти, мало не всего града, глаголящеть бо, яко «Провѣдъ вся» и хуля вѣру хрестьянскую, глаголащеть бо, яко «Периду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежъ в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рекъ: «Иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь, аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа оу епископа, а людьє вси идоша за волхва. И бысть мятежъ великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutом, приде к волхву и рече ему: «То вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечераѣ» Он же рече: «Проповѣжъ вся» И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что [ти] хочеть бѣѣти десьѣ». «Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и. И паде мертвъ, и людьє разидошася. Он же погыбе тѣломъ, и душею предавъся дяволу⁵⁸.

Здесь очень интересно то, что весь город поддержал волхва, а за епископа выступил лишь пришлый князь со своей (также, вероятно, в основном пришлой) дружиной. Религиозный протест здесь сомкнулся с политической борьбой за новгородскую независимость: все новгородцы, как ясно указывает летописец, без различия своего социального положения выступили против князя – киевского наместника и Христианства, бывшего в их глазах идеологическим обоснованием киевской власти. Видеть в этих событиях проявление «классовой борьбы», как то нередко имело место в советской историографии (см. работы, указанные в примеч. 57), нет оснований. Налицо противостояние всей новгородской общины, действующей как целое, и киевского административного аппарата⁵⁹, что, разумеется, не отменяет того факта, что катализатором выступления могли стать засушливые годы, фиксируемые дендрохронологией⁶⁰ и сопровождавшая их «языческая реакция».

Что касается вопроса о «законности» / «незаконности» данных событий, то здесь сказать что-то однозначное весьма непросто: дело в том, что здесь столкнулись несколько, если так можно выразиться, «правовых моделей». С одной стороны языческая «модель», требу-

ющая для прекращения засухи человеческого жертвоприношения⁶¹ столкнулась с «моделью» христианской⁶². При этом симпатии летописцев по определению были на стороне последней. С другой стороны, столкнулись право рождающегося города-государства, стремящегося к независимости (для чего, как мы уже видели, с его точки зрения были оправданы любые средства, в том числе и «мятеж»), и право Киева, воспринимавшего всю страну в качестве подвластной себе. С точки зрения политических и правовых притязаний Новгорода горожане действовали вполне «законно». С точки зрения Киева и христианской церкви, бывшей в тот период еще в значительной степени инструментом киевской политики, — нет.

Любопытна дальнейшая судьба князя Глеба и спасенного им епископа. Вскоре после разобранных событий⁶³ новгородцы

Глѣба, и выгнаша из града, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдь⁶⁴.

Перед нами первый достоверно известный случай (в отличие от двух разобранных ранее и гипотетичных ситуаций) изгнания новгородцами своего князя, причем изгнания, имевшего место, по всей видимости, в результате опять-таки каких-то «чрезвычайных» акций новгородской общины⁶⁵, подобных, возможно, ситуации 1071 года или последующим событиям 1136 года. При этом отметим, что изгнание новгородцами Глеба в летописи изображено в качестве достаточно заурядного события, что указывает на его «законность».

В очень близкое время — в 1077 году — летопись указывает и смерть епископа Феодора⁶⁶, причем в другом месте называет и причину его смерти:

А Феодора свои песь уяде и с того умре⁶⁷.

И. Я. Фроянов предположил, что смерть епископа Феодора может быть связана с изгнанием из города князя Глеба и сопровождавшей его смутой⁶⁸. Разумеется, это лишь предположение, но совпадение времени изгнания из города князя и гибели епископа наводит на соответствующие мысли⁶⁹. Если догадка И. Я. Фроянова верна, то перед нами первый случай вмешательства веча не только в политическое, но и в церковное управление в городе. Как бы то ни было первый достоверный случай изгнания новгородцами неугодного им князя налицо.

Второй такой случай произойдет в 6603/1095 году, когда

сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинську; Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича. [И] поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам».

[И] пошедь Давыдъ, воротися Смолинську, и съде Смолинскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ съде⁷⁰.

Здесь впервые новгородцы мало того, что изгоняют одного неугодного им князя, но и приглашают княжить в Новгород другого, не считаясь при этом с мнением Киева⁷¹. И летописец описывает эти их действия как совершенно правомерные.

Подведем некоторые итоги. Период второй половины X–XI веков характеризуется следующими чертами в развитии практики коллективных социально-политических акций новгородцев:

1) Подобные акции становятся регулярными и постепенно начинают охватывать достаточно широкий круг вопросов:

- борьбу за независимость от Киева;
- борьбу против власти неугодных князей;
- призвание в город угодных князей;
- вопросы ведения войны;
- сборы средств на нужды городской общины;

– вопросы церковного управления (этот пункт для данного периода под вопросом) и т.д. Видимо, в круг «коллективно» решаемых новгородцами вопросов входили все важные для города дела. Важно подчеркнуть, что в источниках *ни разу* не сказано о том, что данные акции предпринимали только лишь верхи новгородского общества. Напротив, в источниках новгородская община этого времени предстает как единое целое, связанное общими интересами.

2) Вырабатываются определенные представления о «законности» подобных акций. Очевидно, их должно было санкционировать вече в соответствии с принятыми в указанный период нормами вечевой законности, которые в источниках, к сожалению, четко не описаны, но по некоторым их намекам мы можем понять, что они существовали (события в Новгороде 1016 года). В случае, если какая-то часть новгородцев предпринимала действия, на совершение которых была необходима санкция веча, произвольно, то они могли рассматриваться как «незаконные» и караться соответствующим образом.

¹ В дореволюционной историографии эта тематика, напротив, привлекала к себе пристальное внимание историков. См. например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. I–III. М., 2007 и т.д. В новейшей историографии ее касался О. В. Мартышин: *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 182–183.

² Как станет ясно из дальнейшего изложения, участие в данных акциях сельских жителей носило нерегулярный характер и не являлось их непременным атрибутом, хотя и вполне могло иметь место в некоторых случаях, равно как и в некоторых случаях в новгородском вече могли принимать участие «делегаты» из пригородов – городов, подчиненных Новгороду (в первую очередь – в случаях, когда необходимо было принять решение, жизненно важное для всей новгородской волости. При этом важно подчеркнуть, что новгородские пригороды имели собственные веча, которые имели на «местном уровне» достаточно широкие полномочия. Новгородское государство, таким образом, представляло собой как бы иерархию городских и сельских общин). Новгородское вече было, преимущественно, городским социально-политическим институтом, объединявшим жителей его концов и сторон, представлявших собой самоуправляющиеся общины в рамках большой общины – всего Новгорода (*Петров А. В.* 1) От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003; 2) Новгородские усабицы: Возникновение и разрешение общественных конфликтов в вечевом городе (к изучению древнерусского народоправства): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004; 3) К обсуждению проблем истории вечевого Новгорода // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006; 4) К вопросу о характере и итогах социально-политического развития Великого Новгорода в XI–XV вв. // *Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1* / Сост. Д. Б. Терешкина, Г. М. Коваленко, С. В. Трояновский, Т. Л. Каминская, К. Ф. Завершинский; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009). Единство города и сельской округи постепенно при этом распалось.

³ *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2004 г. Политические институты Древней Руси / Отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова. М., 2006. С. 147–148. См. также: *Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // *Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина.* М., 2005.

⁴ *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках... С. 149. Весьма близкие к позиции Ю. Гранберга выводы были сделаны и такими исследователями как П. В. Лукин и Т. Л. Вилкул, хотя они и не замыкались лишь на сообщениях источников, содержащих непосредственное упоминание слова «вече» (*Вилкул Т. Л.* 1) Вече в давній Русі у другій половині XI–XIII ст.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2001; 2) Дружина-вече // *Государство и общество. История, экономика, политика, право.* 2002. № 1; 3) Летописные «бояре» и «чернь» на вече // *Средневековая Русь* / Отв. ред. А. А. Горский. 2004. Вып. 5; 4) Конструирование нарратива в параллельных летописных сообщениях о вече // *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования.* 2004; 5) Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009; *Лукин П. В.* 1) Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // *Средневековая Русь.* Вып. 4. М., 2004; 2) О социальном составе новгородского веча. XII–XIII вв. по летописным данным // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2004; 3) О так называемой многозначности понятия «вече»...; 4) Зачем Изяслав «възгони торгъ на гору?» К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // *Средневековая Русь.* Вып. 7. М., 2007; 5) Вече: социальный состав // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008).

⁵ Подборку соответствующих примеров и их анализ см. в работе: *Вилкул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях... С. 26–31.

⁶ Такой выбор обусловлен тем, что его социально-политическая жизнь полнее отобразена в источниках. При этом мы считаем, что в дальнейшем аналогичным образом необходимо будет рассмотреть все соответствующие известия, связанные с общественной жизнью всех регионов Древней Руси.

⁷ С.Ф. Платонов в свое время справедливо указывал на то, что «междоусобия Новгорода открывают нам его внутреннюю организацию» (*Платонов С. Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 г. и после подчинения до Ништадтского мира 1721 г. 2-е изд. Новгород, 1916. С. 5).

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 19.

⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 45.

¹⁰ О том, что речь в данном известии идет именно о Новгороде см.: *Жих М. И.* О происхождении Новгорода и начале новгородской государственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/06/21/o_proishozhdenii_novgoroda_i_nachale_novgorodskoj_gosudarstvennosti/

¹¹ А возник Новгород как единое целое именно в середине X века: *Янин В. Л.* 1) Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 129; 2) О начале Новгорода // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 210–211.

¹² ПСРЛ. Т. I. Стлб. 69.

¹³ Ср.: *Скрынников Р. Г.* Русь. IX–XVII вв. СПб., 1999. С. 48.

¹⁴ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

¹⁵ *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 65–66.

¹⁶ *Пархоменко В. А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленингр. ун-та. Сер. Исторические науки. 1941. Вып. 8. С. 206.

¹⁷ Ср.: *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 131.

¹⁸ *Жих М. И.* О происхождении Новгорода...

¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 75–78. См. об этих событиях: *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 132–137.

²⁰ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 137.

²¹ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 79. Прямо Добрыня не назван посадником, но из того, что в период киевского княжения Ярополка город управлялся именно посадниками (Там же. Стлб. 75), можно сделать вывод, что и Добрыня, управлявший городом в период киевского княжения Владимира (по крайней мере, на первом его этапе – до того, как Владимир стал сажать в Новгород своих сыновей), был именно посадником.

²² Парадокс в том, что Новгород, не раз завоевывавший Киев все время оказывался в зависимости от последнего.

²³ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 79.

²⁴ *Фроянов И. Я.* 1) Мятёжный Новгород... С. 137–143; 2) Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 83–84; 3) Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 72–75.

²⁵ *Фроянов И. Я.* 1) Мятёжный Новгород... С. 143; 2) Древняя Русь. Опыт исследования... С. 84 и далее; 3) Начало христианства... С. 75 и далее.

²⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 112–113.

²⁷ Реконструкцию вероятной истории «Иоакимовской летописи» см.: *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 31–34.

²⁸ *Янин В. Л.* 1) День десятого века // Знание – сила. 1989. № 3; 2) Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Средневековый Новгород; 3) О начале Новгорода... С. 211. См. также: *Рапов О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 255–276; *Фроянов И. Я.* Начало христианства... С. 94–98; *Азбелев С. Н.* Устная история... С. 6–34.

²⁹ А точнее – посадником – наместником Киева и его князя. Для этого времени князя, сажаемые в Новгород из Киева фактически и были его посадниками. Нам неизвестно для времени до 80-х гг. XI в. того, чтобы князь управлял Новгородом одновременно с посадником (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 64–78).

³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 121.

³¹ Там же. Стлб. 130.

³² Там же.

³³ Вопрос о соотношении этого рассказа в ПВЛ и НПЛ сложен. По ряду признаков (например, в ПВЛ указана явно фантастическая численность новгородского войска) версия НПЛ является первичной, однако в то же время в версии ПВЛ есть ряд любопытных моментов, которые могут отражать какие-то иные древние источники.

³⁴ В ПВЛ они названы иначе – *нарочитыми мужами*. ПСРЛ. Т. I. Стлб. 140.

³⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 174.

³⁶ В ПВЛ о том, что вече было собрано именно «на поле», не сказано: ПСРЛ. Т. I. Стлб. 141.

³⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 175.

³⁸ См. его наиболее убедительную интерпретацию: *Петров А. В.* От язычества... С. 93–101.

³⁹ Как мы знаем по ряду последующих случаев, расправа с кем-либо по решению веча считалась абсолютно правомерной и «законной».

⁴⁰ *Петров А. В.* От язычества... С. 97–99.

⁴¹ Вспомним и насмешки киевлян над новгородскими воинами Ярослава («а вы плотники суще; а мы приставим вы хоромы рубить»: ПСРЛ. Т. III. С. 175), которые, по справедливому замечанию П. В. Лукина, «вряд ли могут относиться к дружинникам» (*Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские»... С. 97).

⁴² *Петров А. В.* К обсуждению... С. 262.

⁴³ *Петров А. В.* 1) От язычества... С. 63–108; 2) Новгородские уособицы... С. 18–26.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 143.

⁴⁵ Там же. Стлб. 147, 148, 150.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стлб. 152. В Лаврентьевской летописи этот пассаж читается в сокращении: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внуку Ярославлъ» (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 163).

⁴⁷ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 168.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 154; ПСРЛ. Т. IX. С. 92; ПСРЛ. Т. XXII. С. 274; ПСРЛ. Т. XXIII. С. 92.

⁴⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. М.; Л., 1962. С. 81.

⁵⁰ *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. 1932. VII серия. Отд. общественных наук. № 4. С. 290.

⁵¹ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 169.

⁵² Там же. С. 169–170.

⁵³ Там же. С. 170.

⁵⁴ *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики... С. 290–291.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 161.

⁵⁶ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 170.

⁵⁷ Дата условна. Под этим годом летописец объединил ряд рассказов о языческих мятёжах на Руси, происходивших, вероятно, в разное время (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 456–457). Историки не раз пытались установить точную дату данного события. Так, по Н. Н. Воронину, оно имело место в 1066 году – при приезде князя Глеба в Новгород (*Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 58), В. В. Мавродин относил его к периоду между 1066 и 1069 годами (*Мавродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 149–150), М. Н. Тихомиров приурочил выступление новгородского волхва к 1068 году (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 204), а О. М. Рапов – к 1069 году (*Рапов О. М.* О датировке народных восстаний на Руси XI века в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2. С. 149), по мнению И. Я. Фроянова, опирающегося на дендрохронологический материал, интересующие нас события произошли после фиксируемого дендрохронологией неурожайного 1075 года: в 1076 или в 1077 г. (*Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 177).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 180–181. Некоторые интересные детали содержатся в поздних летописях. См.: Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1850. С. 48; ПСРЛ. Т. IV. С. 131.

⁵⁹ *Петров А. В.* От язычества... С. 109–110.

⁶⁰ *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 80–81.

⁶¹ «Выбор, естественно, пал на епископа как на правителя, олицетворявшего, к тому же, христианскую веру, от которой откачнулись новгородцы, намеревавшиеся “погубить” (принести в жертву) владыку. И они, бесспорно, “погубили” бы его, не проявив князь Глеб хитроумие и решительность. Глеб, как мы знаем, на глазах у всех новгородцев убил волхва, только что похвалявшегося сотворить великие чудеса и заявлявшего, будто знает все наперед. Это произвело сильное психологическое воздействие на публику, убедив её в несостоятельности волхва, оказавшегося не провидцем и доверенным языческих богов, а обманщиком, плутом и шарлатаном. Немудрено, что народ тут же разошелся по домам» (*Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 178–179).

⁶² О борьбе языческих и христианских правовых традиций в средневековом Новгороде см. в исследованиях А. В. Петрова.

⁶³ НПЛ Старшего извода датирует его смерть князя 30 мая 1079 года (ПСРЛ. Т. III. С. 18, 201), ПВЛ – 1078 годом (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 199). При этом изгнание князя могло произойти несколько ранее, например, в 1077 году.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 470. Совершенно непонятно, почему В. Л. Янин рассматривает произошедшее позже (в 1095 г.) изгнание из города князя Давыда Игоревича в качестве «беспрецедентного случая» и «первых политических успе-

хов борьбы новгородцев за городские вольности» (*Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 82).

⁶⁵ Только этим можно объяснить бегство князя в столь «дремучий» край с его последующим там убийством. Ясно, что бежать туда он мог только в условиях серьезной для него опасности со стороны новгородцев, что справедливо отмечал *И. Я. Фроянов* (*Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 179–180).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 18, 201. Данные записи, очевидно, отражают позднюю традицию, так как *Феодор* в них поименован «архиепископом», в то время как архиепископ появился в Новгороде гораздо позже (*Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 30). *Феодор* был епископом.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 473.

⁶⁸ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 179.

⁶⁹ При этом о возможной языческой подоплеке этих событий нам остается только догадываться. Как бы то ни было, как мы видели, религиозный протест новгородцев тесно смыкался с политическим, и оба они имели ярко выраженную антикиевскую направленность.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 229. В НПЛ это известие читается довольно кратко: «Давыдъ прииде к Новугороду княжить; и по двою лѣту выгнаша и» (ПСРЛ. Т. III. С. 161, 470).

⁷¹ Ср.: *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород... С. 171.

А. Е. Жуков
(Санкт-Петербург)

К вопросу об использовании Новгородской Первой летописи и летописи новгородско-софийской группы в Еллинском летописце второго вида

Еллинский летописец (далее – ЕЛ-2) является памятником хронографической традиции XV века. Некоторые исследователи связывают его создание с деятельностью книжников Великого Новгорода¹. Важной особенностью памятника является привлечение текстов русских летописей в качестве источника некоторых статей. Использование летописных источников носит фрагментарный характер. Всего из летописей были заимствованы три известия. Все они связаны с событием взятия Константинополя. Первые два известия, источниками которых, по всей видимости, послужили летописи, повествуют о походах *Олега*² и *Игоря*³, третье – «Повесть о взятии Царьграда фрягами»⁴.

Исследователи неоднократно ставили вопрос о летописном источнике ЕЛ-2. Определением этого источника впервые занялся